

СТАТЬИ

В. И. ЛЕНИН — ИСТОРИК РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ *

Академик М. В. Нечкина

Все, что написал В. И. Ленин о революционном движении в России, давно и прочно вошло в обиход советских историков. Хорошо известно, что Ленин разработал научную периодизацию русского революционного движения, заметил в нем смену трех поколений революционеров: показал, как дворянские революционеры сменяются революционерами-разночинцами, как на смену этим последним приходят пролетарские революционеры. Ленин неоднократно характеризовал движение декабристов, дал глубокое определение сущности В. Г. Белинского, создал знаменитую работу о А. И. Герцене. Ленину принадлежит целый цикл высказываний о Н. Г. Чернышевском и революционерах шестидесятых годов. Велик и богат круг его работ, раскрывающих революционное народничество 1870—1880 годов. Ленин проанализировал революционное движение пролетарского периода. Советские гуманитарные науки — в частности и даже прежде всего наука историческая — немало сделали в области изучения этой стороны деятельности В. И. Ленина.

Большим научным достижением являются многотомные издания Сочинений В. И. Ленина. В настоящее время закончилась публикация 5-го издания. Тщательно собраны и классифицированы высказывания Ленина по отдельным темам. Они изучены и распределены по крупной исторической проблематике, введены в научный оборот. Многие прочно вошло в вузовские курсы и даже в учебники средней школы. Вышло немало научных исследований, построенных в разрезе поставленных Лениным проблем. Наличие глав, посвященных изложению взглядов Ленина на тот или иной вопрос, стало обычным элементом построения диссертаций.

Нарисованная выше картина была бы чрезмерно благополучной, если бы этим описанием завершить ее, — изучение Ленина, конечно, не лишено многих недостатков, одним из которых является, на наш взгляд, ограничение исследовательской работы простым пересказом его мыслей и некоторая «застойность» в аспектах его изучения.

Ограничивая себя главным образом движением XIX в., автор хотел бы, раскрывая свою тему, остановиться лишь на тех ее аспектах, которые представляются недостаточно изученными, а также весьма перспективными в смысле дальнейшего научного исследования. Хотелось бы в первую очередь характеризовать четыре новых аспекта, поставить

* Сокращенное авторское изложение доклада, сделанного на научной сессии «В. И. Ленин и историческая наука» 15—18 июня 1965 г. в Киеве.

четыре вопроса. Первый из них можно было бы назвать так: Ленинская концепция революционного движения в России в истории науки (имеется в виду историческая наука).

В. И. Ленин много работал над историей русского революционного движения XIX в., часто возвращаясь к этой теме: она была важным элементом его общей концепции революционной борьбы, первыми подступами к российским революциям XX века. Но мы не ошибемся, если выделим период примерно с 1900 по 1914 г. как время особенно интенсивной разработки и основного завершения его концепции революционной борьбы XIX века. В начале и конце этого периода появились работы В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» и «Из прошлого рабочей печати в России», в которых содержатся развернутые оценки русского революционного движения XIX в. и построение его периодизации.

В каком же состоянии находилась тогда разработка в исторической науке темы русского революционного движение? Для ответа на этот вопрос необходимо отдать себе отчет в состоянии научной разработки предмета именно в то время и сопоставить ленинские выводы с господствовавшими в тот период в науке представлениями.

В лагере русской освободительной борьбы революционная мысль, конечно, работала над этой темой. В отрыве от архивов, пользуясь лишь личным опытом и преимущественно устной традицией, работы по истории революционного движения писали декабристы М. С. Лунин и Никита Муравьев, позже Александр Герцен и Николай Огарев. Но в силу существа вещей эти работы обрывались на полуслове, доведенные лишь до жизненного рубежа революционера. Все они принадлежали к потаенной литературе. Как жадно ни читали современники эти охраняемые от чужих взоров листки, читателей было не так много; над научной разработкой темы тяготел тяжелый запрет.

В общеуниверситетских курсах проблема русского революционного движения не существовала. Царь и бог буржуазной исторической науки того времени В. О. Ключевский не замечал ее в своем общепризнанном курсе. Восстание декабристов было для него «исторической случайностью, обросшей литературой», в лучшем случае — новым видом дворцового переворота. Даже пресловутый Пятый том «Русской истории» В. О. Ключевского, как его же «Краткое пособие по русской истории», изданное с дополнениями как раз в 1900 г., молчали обо всем, что совершалось в русском передовом общественном движении, — оно как бы не существовало для автора. А в знаменитой, на шумевшей статье-речи В. О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» вновь бегло упоминалось о декабристах, лишних людях, выучившихся по западному образцу и не нашедших себе места в России. Вот и все. В принятом тогда в гимназиях солидном учебнике С. Ф. Платонова декабристы упоминались в параграфе 149, носившем название «Смерть императора Александра I», — они оказывались деталью вопроса о преемстве престола. Но в параграфах, посвященных «великой реформе», уже начисто отсутствовало революционное движение, опять возникавшее лишь как мрачнейшая деталь в параграфе 170 — «Кончина императора Александра II».

Таким образом, молодое поколение на рубеже XIX—XX вв. обрекалось официальной наукой на полное незнание революционной борьбы. Тема входила через тайные, «боковые» входы в сознание молодежи. Если же люди — и старые и молодые, — тянувшиеся к знанию общественной борьбы, брали книги по специальным вопросам, где изредка освещалась запретная сторона дела, они встречались там с явными искажениями. Так, книги проф. А. Н. Пыпина, посвященные общественному

движению времени Александра II, превращали декабристов в либералов, чьи идеи якобы совпадали с реформистскими замыслами самого императора Александра I.

А нужда в теме была огромна. Отсюда — большой интерес к вышедшей в 1883 г. за рубежом книге либерального профессора Альфонса Туна «История революционных движений в России». На немецком языке она увидела свет в количестве всего тысячи экземпляров и сразу была тайно отлитографирована в России. В 1901 г. ее издали за границей социал-демократы с предисловием Г. В. Плеханова и почти одновременно эсеры под редакцией Шишко. В 1903 г. она была вновь переиздана с предисловием Л. Дейча. Но немецкий буржуазный профессор при всей своей относительной симпатии к русской освободительной борьбе оказался бессилён создать ее концепцию, понять ее как закономерный исторический процесс, восходящий все дальше и выше, звенья которого крепко взаимосвязаны одно с другим. Понятно, что и в области периодизации русского революционного движения он оказался совершенно беспомощен, разделив его на два периода — «доисторический» и «исторический», рубежом между которыми оказалась почему-то смерть императора Николая I.

Вл. Бурцев, издавший в Лондоне сборник «За сто лет», претендовал лишь на обнаружение документов движения. А ревизионист Богучарский (псевдоним — Базилевский), в молодости связанный с «Народной волей», был лишь историком народничества, лишив его какой бы то ни было социальной базы: не будь репрессий, народники, по Богучарскому, были бы лишь мирными культуртрегерами. Они трактовались им как безобидная кучка утопистов, предшественников «Освобождения» и кадетизма.

Историк А. А. Корнилов, принимавший активное участие в либеральном движении 1900-х годов и позже ставший секретарем Центрального комитета кадетской партии, собрал в своем лекционном курсе, читавшемся с 1909 г. в Политехническом институте, ряд фактов по истории русского революционного движения. Но он глубоко либерализировал его, тщательно подкрашивая русских революционных деятелей под предшественников кадетов. Атмосферу отравляли ренегатские «Вехи», вышедшие в 1909 г., в которых Бердяев, Булгаков, Гершензон, Струве, Изгоев оплеывали и очерняли русское революционное движение. Старый «ниспровергатель марксизма» Иванов-Разумник, автор «Истории русской общественной мысли», вышедшей в 1911 г. уже 3-м изданием, в сущности, уничтожил в своей книге историю революционной борьбы, перемешав ее с любыми понравившимися автору идеями и событиями общественной жизни. Этот автор грубо искажал действительность и полагал, что вся общественная борьба в России есть борьба «индивидуализма с мещанством», которую ведет интеллигенция. Наконец, Б. Б. Глинский, закончивший в 1912 г. (изданную в 1913 г.) двухтомную работу «Революционный период русской истории», доведенную до казни первомайцев и начатую крестьянской реформой 1861 г., собственно, не претендовал, несмотря на заглавие, на освещение всей истории русского революционного движения: он описывал его кусочек, сжатый между царской реформой 1861 г. и смертью «царя-освободителя», как «борьбу за конституцию». Выстрел Каракозова для него — «печальное явление», убийство Александра II — «позорная страница». История революционного движения для кадета Глинского — это ряд годов, «усеянных обильными недоразумениями между властью предрержащею и передовой интеллигенцией» и завершенных «великим манифестом 17 октября 1905 г.»! Недаром большевик М. С. Ольминский определил творение Глинского как «толстый том либерально-обывательской премудрости».

Итак, буржуазная наука не распахала почвы для обобщающих выводов и, собственно, не занималась ими. Она не сумела даже понять ре-

волюционное движение ни как самостоятельную тему, ни как органическую часть исторического процесса. В этом отношении Владимир Ильич шел в полном смысле по целине. Мы видим, что в буржуазной науке шла борьба за то, чтобы или замолчать, или «обезвредить» русское революционное движение, и о каком-либо научном уровне фальсифицированных утверждений не приходится говорить. Лишь в некоторых случаях можно констатировать сбор известного фактического материала, пронизанного сетью ложных выводов.

Работа Ленина над историей русской революционной борьбы не только противостояла в науке всем этим беспомощным и фальсифицированным попыткам. Принадлежит революционному лагерю, она вместе с тем отвечала глубокой научной потребности проанализировать крупнейший процесс современности, уходящей корнями в глубину века. Мы встречаемся тут — в разрезе истории науки — с рядом первостепенных ленинских открытий. Первое из них и есть трактовка революционного движения в России как единого процесса, в котором сменяются поколения революционеров, работающие над задачами, возникающими перед ними из объективного развития исторического процесса. Новым в науке было и утверждение теснейшей связи всего процесса освободительной борьбы, идущей в нашей стране, со всемирным развитием революционного движения. Ленин выделил ступени борьбы за совершение буржуазной революции и далее — революции пролетарской в мировой истории. Выдвижение критерия классов, налагающих печать на революционное движение в истории России, было совершенно новым в науке. Вся история революционной борьбы у Ленина — а в науке, в данной отрасли знания, это делалось им впервые — оказывалась связанной, соотносенной с массовым движением времени, чего ранее никогда не было.

Создание марксистской концепции русского революционного движения имело, разумеется, не только огромное теоретическое значение для самого движения: оно сыграло роль и для его практики, было нужно партии для самой революционной борьбы. Уже в 90-х годах XIX в. установление общей концепции, уходящей в прошлое, к первичным истокам движения, создавало историческую перспективу борьбы и крепило идею единства сменяющих друг друга поколений русских революционеров, закономерно вело к идеям гегемонии пролетариата в революционном движении и к диктатуре пролетариата. А после революции 1905—1907 гг. работы Ленина о смене трех революционных поколений не только оздоравливали обстановку, отравленную растленой атмосферой «Вех», очернявших революцию, но восстанавливали возможность в трудных условиях реакции бороться за революционные кадры и правильное формирование их мировоззрения.

Таким образом, общая концепция истории революционного движения в России, будучи тогда неотложной и научной задачей, не переставала быть и задачей политической. Эта проблема, постоянно исключаемая из сферы научной разработки буржуазными историками, стояла на очереди и была новой и неизученной. Ленин изучил ее первым и первым ввел ее в науку. Именно Ленин установил в науке марксистскую концепцию революционного движения в России, которая плодотворно разрабатывается и в советское время.

Второй аспект темы связан с историей народов и вытекает из предшествующего изложения. Концепция Ленина о «трех поколениях, трех классах, налагавших печать на движение», относится не только к русской истории, но и к истории народов нашей Родины. Работа тут ведется давно и успешно. Очень большая работа проведена на Украине, осуществлены исследования в Белоруссии, Литве, Молдавии, Грузии, Армении,

Азербайджане, прибалтийских республиках, среднеазиатских республиках. Ясна высокая научная значимость ленинской общей концепции революционного движения в России для всех народов Советской страны. Но уже пришла пора подытожить эту работу, сопоставить ее результаты и обозначить «белые места». У каждого народа тут свои особенности, своя обстановка, свои условия. Более всего разрабатывается, на наш взгляд, пролетарский период движения и отчасти революционно-демократический, различинский. Проблема же сравнения процессов почти не поставлена. В частности, вопрос о дворянской революционности совершенно необоснованно считается какой-то специфически «русской» и даже «декабристской» проблемой. Дворянский революционер неправомерно стал каким-то синонимом декабриста, и только. Между тем по отношению к декабристу это более общее понятие, декабрист — лишь конкретное проявление данного общего явления! Движение декабристов — в основном единое явление, «национальных декабристов», на наш взгляд, нет, но явление дворянской революционности шире декабризма и существует в целом ряде движений.

Разумеется, не у всех народов обязательно найдутся представители дворянской революционности. Какой-либо общей закономерности тут нет. Но у многих народов это явление имело место. Можно было бы назвать многие имена деятелей, которые относятся к этой категории, но сейчас дело не в именах. Напротив, на нашем этапе спор о конкретных именах мог бы, пожалуй, отвлечь от обсуждения общего аспекта данной проблемы. Отсутствие работы в этом направлении сейчас, по нашему мнению, обедняет научное исследование: во-первых, пропадает целый этап, во-вторых, исчезает специфика и глубина при изучении многих отдельных деятелей: они оказываются или забытыми или тракуются как либералы, что, пожалуй, еще хуже. Или же подтягиваются к революционным демократам, что неправильно. Уничтожается, кстати, и проблема развития их деятельности и мировоззрения, перехода ее на высшую ступень, пример чего мы видим в Герцене, Огареве.

Дело пока что, на наш взгляд, не в том, пойдет ли речь о Василии Лукиче Лукашевиче, маршале Переяславского повета, бориспольском помещике, или о замечательной семье Капнистов, близких друзей, а отчасти и соратников братьев Муравьевых-Апостолов, или об этапах развития Александра Чавчавадзе, а о проблеме, о новом ее аспекте в целом.

Теперь необходимо сделать следующий шаг. Дворянская революционность — категория общенсторическая, а не только российская. Множество деятелей Английской революции XVII в. отчетливо подходит под эту категорию, немало представителей революционной Франции заслуживает это название. Широко приложимо оно и ко многим деятелям польского революционного движения. Между тем ни тут, ни там историки не пользуются этим термином, обедняя возможности своего анализа.

Перейдем к третьему вопросу, к третьему аспекту проблемы. Назвать его можно так: круг исторических источников, привлеченных Лениным для изучения революционного движения в России. Это важный вопрос источниковедческого характера, он ведет нас в лабораторию работы Ленина.

Изучая источники, использованные Лениным, мы видим не только то, как он обосновывал свои выводы, но и то, как он критиковал источники, что именно привлекал и с каких позиций подходил. Первой группой источников и литературных работ, послуживших Ленину, являются работы и источники, прямо названные и цитированные им. Список их обычно прилагается к каждому тому Собрания сочинений Ленина. Группировка их по проблемам, рассмотренным Лениным, и их изучение

дают возможность понять процесс его работы, сбора материала, ход его аргументации.

Изучение источников приводит иногда и к существенным текстологическим выводам. Возьмем как конкретный пример конец статьи «Памяти Герцена» — известную цитату из текста «Колокола» о Безднинском восстании 12 апреля 1861 года. Упомянув о нем, Ленин поставил связующую фразу: «Герцен писал в «Колоколе», — и далее помещает цитату. Она набрана в Собраниях сочинений Ленина петитом, заключенным в кавычки. Напомним лишь начало и конец известного текста. Обращаясь к народу, Герцен пишет: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, оставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем...» И далее конец цитаты Герцена: «Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение»¹. Как известно, этот текст — собственно, не одна, а пять объединенных в один комплекс цитат — взят из № 105 «Колокола» от 15 августа 1861 г. (стр. 878, 879), из статьи Герцена «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ». Впервые напечатана ленинская статья «Памяти Герцена» в газете «Социал-демократ» № 26 от 8 мая (25 апреля) 1912 года. Подлинная рукопись этой статьи не сохранилась, и текст «Социал-демократа» является тем первопечатным текстом, с которого она и воспроизводится. Сопоставление всех изданий Сочинений Ленина с этим текстом приводит к интересным выводам: во-первых, в первопечатном тексте нет петита — откуда взялся он в издании Сочинений Ленина? Во-вторых, лишь пять отточий (...), которыми редакция снабдила текст, отмечая перемены в цитациях, действительно имеют эту функцию. Шестое же отточие (3-е по порядку) принадлежит Герцену (перед словами «не верь им»). Это скрадывает особенности выразительного герценовского текста. Неясно также, какое из них является ленинским отточием, а какое — герценовским. В-третьих, есть неточности в пунктуации (пропуск герценовского тире и т. д.). Самое же главное — это то, что слова в скобках «не епископ Антоний, а Антон безднинский» — это вовсе не слова Герцена, а слова Ленина! Но даны они во всех Собраниях сочинений таким образом, что читатель воспримет их как слова Герцена, а не Ленина. Всегда радостно найти новую ленинскую строку, но тут — парадоксальным образом — ее оказалось возможным найти именно в Собраниях сочинений Ленина! Но это еще не все. Оказывается, в тексте Герцена в «Колоколе» нет решительно никакого «инока Антония», появившегося в первых трех изданиях Собрания сочинений Ленина. В «Колоколе» стоит: «иной Антоний». Ленин совершенно точно воспроизвел текст «Колокола», и редакция «Социал-демократа» столь же точно воспроизвела текст Ленина. Откуда же «инок» в первых трех изданиях? Инок — это монах. Между тем молодой крестьянин Антон Петров, толкователь «Положений», расстрелянный за Безднинское восстание 12 апреля 1861 г., монахом, разумеется, не был. В чем же разгадка? Не в М. Лемке ли дело? М. Лемке, редактор Полного собрания сочинений Герцена, счел слово «иной» опечаткой (в «Колоколе» действительно опечатки бывали) и во втором томе своего 22-томного издания опечатку безоговорчно «исправил», решив, что надо писать «инок». Ленин был, как видим, другого мнения! Он написал «иной» и именно к этому слову дал пояснение. Ленинские слова об Антоне безднинском как раз и вскрывают смысл этого слова «иной» (а не «инок»). У Ленина его слова в скобках и пояс-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 260—261.

няют слово «иной»: «иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)». Последние два издания Сочинений Ленина, исправив «инок» на «иной», оставили почему-то не только «незаконный» петит, но и смешение ленинского текста с герценовским, не дав читателю по-прежнему никаких пояснений. Разумеется, читатель имеет основание требовать ясного расчленения текста цитаты Герцена и текста Ленина. Поэтому можно высказать пожелание в издании Сочинений Ленина применить в этих случаях простейший прием — дать сноску к словам в скобках и сказать, что они принадлежат Ленину. Обычно в подобных случаях авторы подписывают свои ремарки внутри цитат собственными инициалами. Но в «Социал-демократе» этой цитаты Ленин так подписать не мог, поскольку статья «Памяти Герцена» опубликована неподписанной².

Вернемся теперь к другим источникам.

Кроме названных и цитированных Лениным источников, есть у него не названные и не цитированные, исследование которых представляет большой интерес.

Возьмем для примера «Гонители земства и Аннибалы либерализма», то есть работу, напечатанную в 1901 г. (в № 2—3 журнала «Заря»). Вот знаменитая конкретная характеристика революционной ситуации 1859—1861 гг. — она понадобится для дальнейших выводов. Ленин упоминает следующие факты:

- оживление демократического движения в Европе,
- польское брожение,
- недовольство в Финляндии,
- требование политических реформ всей печатью и всем дворянством,
- распространение по всей России «Колокола»,
- могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров,
- появление прокламаций,
- возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку,
- коллективные отказы дворян — мировых посредников — применять такое «Положение»,
- студенческие беспорядки.

И делает вывод: «При таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»³.

² Заслуживает внимания и такой вопрос, относящийся к текстологии: в работе В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России» в первых изданиях Сочинений В. И. Ленина читаем: «Предшественники а ми (разрядка моя.— М. Н.) полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский» — цитата известная, обошедшая всю советскую литературу о Белинском. Мысль, выраженная Лениным, глубока и очень важна для анализа русского общественного движения. Однако что означает непонятное множественное число в слове «предшественники а ми» при единственном числе подлежащего (В. Г. Белинский), к которому оно относится? Прибегнуть к рукописи Ленина для получения ответа на этот вопрос невозможно: она не сохранилась. Первопечатный текст «Рабочего» (1914, № 1, 22 апреля/5 мая) содержит то же множественное число. Последние издания Сочинений В. И. Ленина безоговорочно исправляют эту особенность как простую опечатку, ставя без пояснений «предшественником». Но очень уж велика смысловая нагрузка «опечатки»: это не типографское случайное искажение слова и не выпавшая буква. Остается — и, может быть, и останется — под вопросом: не было ли в рукописи у Ленина еще какого-то имени или имен идеологов революционной борьбы России крепостного времени, которые могли бы считаться предшественниками разночинцев? Нет сомнений, что к таким Ленин отнес бы, скажем, Т. Г. Шевченко, петрашевцев и некоторых других. Текст мог быть в последнюю минуту сокращен, урезан, а множественное число могло остаться. Во всяком случае, было бы лучше безоговорочно исправление заменить каким-то комментарием.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 29—30.

Здесь мы встречаемся с вопросом: откуда действительно у Ленина в 1901 г. такое детальное знание того, что происходило в революционном движении 60-х годов? Ведь исследований этих вопросов в литературе еще не было. Современником этих лет Ленин тоже не был. Откуда же Ленин в 1901 г. взял все эти факты?

Тщательно сверив все это с состоянием литературы вопроса, мы приходим к выводу, что Ленин не мог основать свою характеристику только на изучении первоисточников. Все это он узнал на основе глубокого изучения сочинений Н. Г. Чернышевского, И. А. Добролюбова, А. И. Герцена, чтения «Колокола», журнала «Современник», подлинных прокламаций 60-х годов: «Великорусс», «Молодая Россия» и других (никаких работ о них тогда не было!), — знакомства с воспоминаниями Л. Пантелеева, перепиской Кавелина, Тургенева, Драгоманова. Вывод: характеристики, связанные с эпохой 60-х годов, построены Лениным на изучении первоисточников. Ленин провел исследовательскую работу документального порядка.

Скрупулезность и тщательность работы Ленина над источниками поражают. Любопытный конкретный пример: критика Лениным «Воспоминаний» Л. Ф. Пантелеева. Последний утверждает, что правительственные гонения на революционное движение начались после петербургских пожаров 1862 года. Ленин вступает в спор с Пантелеевым. Возвращая ему, он находит и сопоставляет две даты: пожары начались 16 мая 1862 г., а суровые временные правила о печати, в силу которых на 8 месяцев были приостановлены «Современник» и «Русское Слово», прекращен «День» Аксакова, изданы 12 мая 1862 года. Этим сопоставлением Ленин и опровергает Пантелеева: стало быть, реакция началась до пожаров. Еще пример конкретной критики Лениным источника. Он устанавливает, что С. Ю. Витте в записке о земстве списывает у Драгоманова («Земский либерализм в России»), причем списывает без указания источника! Ленин язвительно замечает: «Автор записки г-н Витте чистенько не указывает, что он списывает Драгоманова»⁴.

Однако это еще не все! Есть такие факты ленинской осведомленности, которые не укладываются в рамки ни штудирования им первоисточников, ни знакомства с литературой вопроса. Ленин еще что-то знает об эпохе.

Вот ряд небольших конкретных примеров. При работе над ленинским текстом в группе, изучающей революционную ситуацию 1859—1861 гг., мы легко заполняли конкретным материалом такие указанные Лениным элементы, как «брожение в Польше», «могучая проповедь Чернышевского» и ряд других. Но сложнее становилось уже со «студенческими беспорядками», совсем не изученными к 1901 г., когда писал Ленин. Нелегко было и с «недовольством в Финляндии» — вопрос о нем раскрылся перед нами только в самые последние годы (через недавние работы Л. А. Лооне, а также ряда товарищей, посещавших финские архивы, через конспиративные документы Огарева в «Пражском архиве», которых Ленин знать не мог). Вот еще пример: упоминание Лениным имени С. Рымаренко... Характеризуя революционное движение 60-х годов и борьбу с ним царского правительства, Ленин упоминает об арестах видных революционных демократов и перечисляет только три имени — Чернышевского, Николая Серно-Соловьевича и Рымаренко, ставя, таким образом, последнего в круг наиболее крупных, значительных деятелей времени.

Кто такой Рымаренко?

Теперь опубликованы и найдены о нем архивные материалы, вышла в свет в 1959 г. исследовательская работа Р. А. Таубина, специально

⁴ Там же, стр. 27.

посвященная С. Рымаренко⁵. Мы знаем, что это активнейший член «Земли и Воли» 60-х годов, член ее центрального комитета, ранее — член Киевско-Харьковской организации, опытный конспиратор, крупный деятель движения воскресных школ, автор интересных работ (так найден Таубиным текст доклада Рымаренко об «Отцах и детях» Тургенева). Одним словом, это — лицо, имя которого достойно занимает место в коротком ряду имен, перечисленных Лениным. Но это все мы знаем из работ последних лет. А откуда Ленин в 1901 г. знал Рымаренко? Может быть, из воспоминаний Паптелеева, которые он читал? Но там, кроме Рымаренко, еще десятки фамилий. Ясно, что, во-первых, Ленин сделал свой собственный вывод. А, во-вторых, не мог ли Ленин знать что-то о движении времени и его деятелях, чего не знаем мы?

Несомненно, мог!

Не будучи сам — по возрасту — современником 60-х годов, он был окружен этими современниками, старшим поколением, которое, как теперь оказывается, имело несомненную и богатую информацию об общественном движении тех лет и, очевидно, могло быть информатором Ленина. С этих позиций важно учесть прежде всего осведомленность Илья Николаевича Ульянова. Не будучи сам участником движения и, по-видимому, не примакая к его организациям, он многое знал. Как теперь выясняется, он знал Каракозова, был близок по работе в Нижнем Новгороде с Николаем Васильевичем Копиченко. Кто это такой? Крупный деятель «Земли и Воли», глава Нижегородской организации. Когда в московском отделении не хватало революционных прокламаций, обращались в Нижний к Копиченко и получали новый запас. Илья Николаевич Ульянов в 1867—1869 гг., накануне рождения Ленина, как показывает в своем исследовании Д. А. Балаика, был близок в Нижнем Новгороде с другом Добролюбова, преподавателем Борисом Ивановичем Сциборским, от которого не мог не знать многого о движении тех лет⁶. Будем осторожны. Отсюда ничего не следует, кроме того, что отец Ленина не принадлежал к движению, общался с его средою и, стало быть, мог кое-что знать, воспринимать, слышать рассказы участников борьбы. Однако вопрос не исчерпывается этим. Источником информации была не только семья Ульяновых, но и семья Крупских. Отец Надежды Константиновны — Константин Игнатьевич Крупский — был членом офицерской организации «Земли и Воли» в 60-х годах, участником движения русских офицеров в Польше. Он отвел свою роту в 1863 г. от столкновения с поляками — он сам рассказал об этом дочери. К. И. Крупский умер, когда ей было 14 лет. Но мать Надежды Константиновны, о многом осведомленная и учившая маленькую дочь читать по тексту революционной поэмы Некрасова «Саша», Елизавета Васильевна Тистрова, в замужестве Крупская, была членом семьи Ленина — с Шушенского до заграничного пребывания (умерла в 1915 г. и похоронена за границей). От нее Ленин (очень ее уважавший) мог многое знать о тех годах. Добавим к этому многих «шестидесятников» вне семейных связей Ульяновых — Крупских, широкий круг большевиков, через которых информация о людях 60-х годов могла, помимо литературы вопроса, проникать к Ленину. Такая информация была, разумеется, в семье Лепешинских, в семье Феликса Кона и многих других людей, с которыми общался Ленин. Следовательно, есть основание думать, что Ленин в своих работах и высказываниях о 60-х годах использовал не только письменные первоисточники темы, но и живую устную традицию «революционеров 60-х годов», с которыми общался. Изучение подобных вопросов позволяет

⁵ Р. А. Таубин. Революционер-демократ С. Рымаренко. «История СССР», 1959, № 1, стр. 136—154.

⁶ Д. А. Балаика. Педагогическая деятельность Б. И. Сциборского, друга Добролюбова, в Н.-Новгороде. Сборник «Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы». Горький 1965, стр. 244—267.

углубить наше проникновение в рабочую лабораторию Ленина, в школу его мастерства. Это перспективный аспект изучения, одна из мало раскрытых тем, имеющих прямое отношение к проблеме «Ленин и историческая наука».

Перейдем теперь к четвертому, и последнему (из намеченных), аспекту темы — соединению ленинской периодизации революционного движения в России с установленными Лениным революционными ситуациями XIX в., не перешедшими в революцию.

Вместе с работой над общей концепцией истории революционной борьбы в России Ленин трудился и над проблемой первостепенной важности: возникновение революционных ситуаций в русском историческом процессе.

В советской историографии произошел своеобразный перерыв между изучением той и другой проблемы: сначала — в исходе 1920-х и в 1930-е годы — историки усиленно изучали ленинскую концепцию русского революционного движения, фиксируя внимание на смене трех поколений в истории движения: дворянских революционеров, разночинцев и пролетарских революционеров. Потом — в 1940-е годы — советские историки как бы открыли для себя заново ленинское учение о революционной ситуации в истории России, навстречу чему шел и их исследовательский процесс. Можно сказать, что теперь настала пора, или, вернее, давно пора, соединить и то и другое в единую концепцию. У нас получалась картина какой-то «плавной», чуть ли не «возрастной» «смены поколений» в истории революционной борьбы России, в то время как реальная картина у Ленина куда сложнее. Для него эти две проблемы всегда были неразрывны.

Особенно подробно остановился Ленин на теории революционной ситуации в 1915 г. в работе «Крах II Интернационала». Он указал — напомним, — что всякая революционная ситуация является совокупностью объективных перемен, которым присущи три главных признака:

«1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... Недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»⁷.

Однако, утверждал Ленин, не из всякой, революционной ситуации рождается революция, а лишь из такой, «когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»»⁸.

Мы много говорим о роли народных масс в истории и о народе как творце исторического процесса; вот конкретный пример, когда рельефно выступает эта проблема в реальном материале: соединение Лениным периодизации революционного движения с проблемой революционной

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 218.

⁸ Там же, стр. 219.

ситуации. Первое, что надо отметить, соединяя эти проблемы, что обе революционные ситуации (1859—1861 и 1879—1880 гг.) стоят на двух рубежах: первая — в самом конце дворянского и начале разночинского периода, вторая — в конце разночинского и накануне пролетарского периода революционного движения. Оба раза меняется класс, претендующий на гегемонию в движении, и соответственно (не сразу, конечно!) меняются революционные организации, программы и тактика, являющиеся отражением интересов соответствующего класса на определенном историческом этапе.

В связи с этим представляется, что возникновение в 1883 г. группы «Освобождение труда» не может быть исторически понято без предшествовавшей ей (всего за два года!) революционной ситуации 1879—1880 годов.

Народные массы выступают революционно лишь в определенной системе объективных перемен, а не по произвольному решению революционных вождей. Отсюда — огромное значение марксистско-ленинской теории революционной ситуации в концепции революционного движения у Ленина. В самом деле: участником, живым элементом любой революционной ситуации является революционное движение, отражающее чаяния угнетенных масс. Именно оно работает на то, чтобы в созданную кризисом верхов трещину прорвалось недовольство и возмущение угнетенных классов. Именно оно — революционное движение — привлекает в эти бурные времена массы к самостоятельному историческому выступлению. Революционное движение, отражающее требования революционного класса, руководит массовыми революционными действиями класса, играет огромную роль в том субъективном факторе, которому Ленин придает столь большое значение. Таким образом, революционные ситуации являются серьезнейшей проверкой состояния революционной борьбы, показателем ее силы и правильности ее стратегии и тактики, ее выходом в действительность, решающую судьбу революции.

Во время и после революционных ситуаций, не перешедших в революцию, и совершаются крупные переломы в истории революционного движения, учитывающие приобретенный опыт. Революционные ситуации, не перешедшие в революцию, — показатель необходимости глубоких изменений в деятельности революционеров, руководителей борьбы, показатели необходимости вырастания новых сил. Замечательно, что Ленин всю русскую революционную борьбу понимал как смену взаимосвязанных ступеней, не отбрасывая от нее ни единого этапа. Эта глубокая концепция обосновывает вырастание гегемонии пролетариата в русском массовом движении и мотивирует историческую необходимость диктатуры пролетариата в процессе борьбы против старого классового общества, победы над ним и строительства нового общества. Только пролетарская революция в истории России завершилась победой народных масс, принесла им освобождение.

Соединение учения Ленина о революционных ситуациях в истории России XIX в. с созданной им периодизацией революционного движения в России представляется новым, перспективным аспектом работы историков над наследием Ленина. Тут есть над чем поработать исследователям, разумеется, не только русским историкам, но и историкам всех народов СССР.

У каждого народа тут своя конкретная обстановка, свои особые условия. Самая проблема органического соединения ленинской концепции революционного движения и его периодизации с революционными ситуациями в истории страны представляет собою плодотворную задачу исследования.